

Левон Абрамян

АРМЕНИЯ МЕЖДУ АЗИЕЙ И ЕВРОПОЙ, ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ, БУНТАРСТВОМ И БЛАГОРАЗУМИЕМ

Европа и Азия, составляющие Евразийский материк, представляют собой не только смежные, условно разграниченные географические территории, но и противопоставленные в культурном и политическом плане понятия. Поскольку между Европой и Азией нет четкой естественной границы,¹ ее проводят по-разному. Эта граница главным образом варьирует в области между Каспийским и Черным морями. Обычно ее проводят по Главному Кавказскому хребту или немного севернее – по Кумо-Манычской впадине, и тогда Армения вместе со всем Закавказьем оказывается в Азии. Иногда же Закавказье включают в Европу,² и Армения оказывается в Европе. Однако по другим делениям Армения с большим постоянством попадает в Европу. Например, ее футбольная команда выступает в лиге европейских команд, а сама Армения является членом Совета Европы,³ откуда ее грозят вывести в случае, если она не будет вести себя как европейская, т.е. цивилизованная, страна. Такое «европейское поощрение» извне находит встречную реакцию изнутри: сами армяне обычно считают себя европейцами. Впрочем, это цивилизационная самооценка многих, может быть, даже всех народов, живущих вблизи географической границы. Так, Турция претендует даже на вхождение в Евросоюз, что же касается Грузии, то она выказывает наиболее бросающуюся в глаза европоцентристскую тягу, после же недавней находки в Грузии древнейшего черепа европеоидного облика, часто трак-

¹ О первоначальных пределах упоминаемой в гомеровском гимне Европы см. *Е.Г.Рабинович*. *Еуропа ргорта? // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст / Тезисы международной научной конференции. Часть 1. М., 2001, с. 59-61.*

² См., например, статью «Европа» в Большой Советской энциклопедии (2-е издание, т. 15, М., с. 382-427), с. 383-384.

³ Ср. *Кухианидзе А.В.* Кавказоцентристская концепция демократии // *Научная мысль Кавказа*, № 4, 1995, с. 68: о сходном положении дел в Грузии.

туемого грузинами как «предок европейцев», грузины стали считать себя европейцами и в палеоантропологическом плане.

В то же самое время современная Армения семиотически демонстрирует свою близость к Азии. Например, «западный» свободный рынок в Ереване (представленный на уровне мелких торговцев) впервые появился в виде типичного азиатского базара, а западные потребительские товары вначале проникали (и отчасти продолжают проникать) в Армению в своем восточном обличи.⁴ Примеры феноменов двойного, европейского и азиатского, «гражданства» в Армении легко можно продолжить,⁵ так что Армения по многим признакам оказывается неким средним звеном между Европой и Азией, наделенным качествами обеих.

Однако в истории Армении сегодняшнему представлению о противопоставленных Европе и Азии и Армении, расположенной между ними, предшествовало более древнее противопоставление – между Западом и Востоком, граница между которыми пролегла в пределах самой Армении. Естественно, речь идет не о сегодняшней крошечной стране, а о ее исторической предшественнице, Великой Армении, некогда занимавшей значительную часть Малой Азии. В 397 г. она была поделена между Персией и Византией, дав начало указанному противопоставлению по признаку восток – запад. Слово «противопоставление», вообще говоря, не совсем точно передает состояние армянского этноса и культуры в условиях его дихотомического распределения в пределах двух великих держав. Скорее следовало бы говорить об известном различии двух частей армянского этнокультурного феномена. Однако не следует забывать и о том, что длительное проживание в двух политически и культурно противопоставленных странах не могло не получить отражения в более или менее выраженном противопоставлении Западной и Восточной Армении. Упомяну хотя бы о различии западноармянского и восточноармян-

⁴ *Абрамян Л., Гулян А., Марутян А., Шагоян Г., Петросян Г.* Этнография армянского рынка: к постановке проблемы // Современные этнокультурные процессы в Армении. 1 / Тезисы докладов, Республиканская научная конференция. Ер., 1997, с. 5-6 (на арм.яз.).

⁵ Об одном из ярких примеров такого рода из области этномусикологии см. *Абрамян Л.А., Пикичян Р.В.* Заметки по этнографии современного города (на примере Еревана). *Рабиз* и изменчивость городской социальной иерархии // Этнические группы в городах Европейской части СССР (формирование, расселение, динамика культуры). М., 1987, с. 136-146.

ского языков, которое в настоящее время нередко предстает в виде явного противостояния сторонников старой и новой (реформированной) орфографии.⁶

Как бы то ни было, это противопоставление обусловлено упомянутым делением Армении на две части. Какова была этнокультурная картина Армении до этого, трудно сказать с абсолютной уверенностью. Во всяком случае сегодняшнее различие языка, очевидно, – результат утраты связей внутри этноса в условиях политической разделенности. Как полагают лингвисты, в V в. диалекты армянского языка были гораздо ближе друг к другу, чем, скажем, в XIII в. Имеется даже мнение, что диалекты V в. являлись скорее субдиалектами, чем собственно диалектами.⁷ Иными словами, хотя бы в языковом отношении раннесредневековая Армения типологически напоминала современную нацию-государство. Мы не будем обсуждать здесь, каким с точки зрения современных теорий о нации было армянское раннесредневековое общество, было ли оно гомогенным и по другим признакам, и если было, то как выражалась эта гомогенность. Во всяком случае можно сказать с определенностью, что это общество плохо подходит к широко используемым в настоящее время европоцентристским моделям нации и нации-государства и может стать удобным материалом для пересмотра или во всяком случае уточнения этих моделей.⁸ Это не значит, что я призываю считать армян сложившейся нацией в современном понимании с незапамятных времен. Вместо такого примордиалистского утверждения я предлагаю использовать современное конструктивистское понимание нации применительно к армянскому обществу IV-V вв.: тогдашние интеллектуалы-«националисты» сконструировали нечто близкое к современному пониманию нации, причем по тем же принципам, по которым европейские интеллектуалы-националисты XVII-XIX вв. творили современные европейские нации.⁹

⁶ См. *Абрамян Л.А.* Армения и армянская диаспора: расхождение и встреча // *Диаспоры.* 2000, №1-2, с. 61, 70-71.

⁷ См. *Ачарян Р.* История армянского языка. Часть 1. Ереван, 1945, с. 363, также с. 114-140, 362-439 (на арм. яз.); *Джаукян Г.* История армянского языка. Дописьменный период. Ереван, 1987, с. 365 (на арм. яз.).

⁸ *Абрамян Л.* Армянская идентичность в контексте современных теорий нации // *Арменология сегодня и перспективы ее развития.* Международный конгресс по арменологии, 15-20 сентября 2003 г., Тезисы докладов. Ер., 2003, с. 5-6 (на арм. яз.)

⁹ См. *Abrahamian L.* Armenian Identity in a Changing World. Costa Mesa, CA, 2006, гл. 7.

Каким бы ни было состояние армянского общества до деления его на две части, оно произошло по оси восток – запад,¹⁰ так что к началу XX в. историческая Армения была разделена на две субэтнические части – Восточную и Западную Армению. В результате геноцида армян в Османской Турции в годы Первой мировой войны, приведшего к вынужденному бурному росту армянской диаспоры, разделение армян по оси восток – запад получило еще более выраженный вид: постгеноцидное распределение армян по миру предопределило родину на основе Восточной Армении и диаспору – на основе Западной Армении.

В армянском обществе имеется также дихотомия иного рода, которая не связана с ориентацией по принципу восток – запад, но иногда может совпадать с ней. Следуя Н. Адонцу, эту дихотомию можно охарактеризовать в соответствии с двумя тенденциями, которые достаточно четко различаются по крайней мере с V в. Эти две противопоставленные тенденции представляют, соответственно, ориентацию на бунтарство и благоразумие.¹¹ Адонц прослеживает эти противопоставленные ориентации начиная со знаменитого противопоставления Вардана Мамиконяна Васаку Сюни во время антиперсидского восстания 451 г., которое предопределило армянские стереотипы национального героя и предателя. Согласно Адонцу, это было отражением бунтарского и благоразумного отношения к неопределенной ситуации, характерного, соответственно, для княжеских родов Мамиконянов и Багратуни.¹² Два этих начала часто соотносились с разделением Армении по признаку восток – запад, хотя могли меняться как местами, так и представлявшими их родами. Так, в конце VI в. Саак Мамиконян воплощал благоразумное начало и Запад, тогда как Смбат Багратуни – бунтарское начало и Восток.¹³ И все же в целом ориентация на осторожность и благоразумие была более выражена в роду Багратуни, чем Мамиконянов.

¹⁰ Согласно А. Петросяну (рукопись на арм. яз. «Мифологические архетипы в современной армянской реальности», 1995), дихотомическая структура армянского этноса имеет более архаичную основу, которую можно усмотреть уже в двойном этнониме армян *hay* и *armen*, часто связываемыми с топонимами *Nayasa* и *Arme-Shupria* (страна к западу от Хайасы); впоследствии – в Великой Армении и расположенной к западу от нее Малой Армении, и т.п.

¹¹ Адонц Н. Политические течения в древней Армении // Адонц Н. Исторические исследования. Париж, 1948, с. 17-48 (на арм. яз.).

¹² Там же, с. 23-26.

¹³ Там же, с. 34.

Можно было бы предположить, что подобная дихотомия необходима нации для наиболее эффективного противостояния изменяющимся условиям, если бы такой механизм выживания не оказывался чересчур драматичным для самой нации, каким, собственно, и была губительная вражда между Мамиконянами и Багратуни. Однако Н. Адонц склонен искать истоки рассматриваемой дихотомии скорее в социально-политической сфере, нежели в эссенциалистской психологии: благоразумная тенденция была в той же степени противопоставлена бунтарской, как централизованная власть, которую воплощал в себе царский род Багратуни, была противопоставлена раздробленной феодальной структуре.¹⁴

Как бы то ни было, два начала продолжают существовать и в наши дни. В советское время они олицетворялись, соответственно, благоразумной, «теряющей память» Советской Арменией и постгеноцидной диаспорой, борющейся за национальную память.¹⁵ Разумеется, подобное распределение «ролей» между родиной и диаспорой является достаточно грубым и условным. В то же самое время диаспора сама может быть разделена на две части, соответствующие двум течениям, демонстрируя тем самым универсальную природу рассматриваемой дихотомии. Так, партия «Дашнакцутюн» представляет бунтарское направление (это видно из ее полного имени – в переводе «Армянский революционный союз»), тогда как либеральная партия «Рамкавар» ближе к благоразумному направлению, хотя такое распределение тоже условно и представляет скорее идеальную, чем реальную характеристику обеих партий.

Родина и диаспора могли, подобно Мамиконянам и Багратуни (так же как Восток и Запад), иногда меняться местами в своих ориентациях. Например, на первом этапе Карабахского движения (1988 г.) политические партии диаспоры были более осторожны и благоразумны, чем бунтарски настроенные участники массовых выступлений в

¹⁴ Там же, с. 46-47.

¹⁵ Характеристика бунтарского направления в терминах «верный клятве», «преданный», а благоразумного в терминах «вероломный», «предательский» (см. там же, с. 26) еще с оппозиции Вардан – Васак понимается также как оппозиция верный – неверный по отношению к национальной памяти. Как справедливо заметил А.Петросян (в интервью автору), современным проявлением указанной оппозиции можно считать арменоведение, представленное, соответственно, учеными Армении и армянской диаспоры, с примордиализмом и эссенциализмом первых и гиперкритицизмом, конформизмом и «неверностью» по отношению к национальной истории последних. Яркий пример столкновения позиций — жесткая критика американских арменоведов, предпринятая недавно А. Айвазяном (*Айвазян А. Армянская история в представлении американской историографии* (критический обзор). Ер., 1998 (на арм. яз.)).

Карабахе и Армении,¹⁶ которые даже получили от кремлевского руководства ярлык экстремистов. В дальнейшем, с углублением армяно-азербайджанского конфликта, диаспора, особенно дашнаки, вновь обрела свой мамиконяновский облик, в частности, в отношении к войне в Карабахе. Современное двуединство Армения-Карабах также демонстрирует указанную дихотомию. Так, собственно карабахское крыло Карабахского движения, типологически повторявшее феодальную модель национально-освободительной борьбы XVIII в., больше тяготело к мамиконяновскому прототипу, чем ереванское, которое быстро преобразовалось в широкое социальное движение.¹⁷

Аналоги двум рассматриваемым тенденциям можно найти и в других культурах, например, в русской – ср. «восточных» славянофилов и западников. Соотношение бунтарской и благоразумной частей общества может меняться с течением времени и от страны к стране, питая различные, порой сомнительные гипотезы и теории.¹⁸ В любом случае эти два начала играли значительную роль в становлении национального характера и предопределили многие особенности национальной истории, поскольку, каково бы ни было их происхождение, они материализуются в конкретных людях. Соотношение бунтарства и благоразумия зачастую служит основанием для дифференциации народов, а иногда даже базой для этногенетических построений. Например, в русской этнографии XIX в. ингуши считались не отдельным народом, а миролюбивой частью воинственных чеченцев, которая не участвовала в жестком сопротивлении русскому завоеванию Кавказа.¹⁹ Хотя разделение этих двух родственных народов произошло ранее и, скорее всего, по другому сценарию,²⁰ теоретически процессы подобного типа могут играть значительную роль в этногенезе.

В случае с армянами мы подходим здесь к другой проблеме, которая много обсуждается как в Армении, так и в диаспоре и связана с сегодняшним пиком эмиграции армян со своей родины. В терминах указанной дихотомии эта проблема касается природы и

¹⁶ Упомянем в этой связи совместное заявление, сделанное тремя основными традиционными партиями диаспоры в октябре 1988 г. (см.: Armenia at the Crossroads. Democracy and Nationhood in the Post-Soviet Era. Essays, Interviews and Speeches by the Leaders of the National Democratic Movement in Armenia. Ed. by G.J.Libaridian. Watertown, Mass., 1991, p. 127-129).

¹⁷ Подробнее см. *Abrahamian L.H.* The Karabakh Movement As Viewed by an Anthropologist // *Armenian Review*. 1990, Vol. 43, № 2-3, p. 68-69; *он же.* Chaos and Cosmos in the Structure of Mass Popular Demonstrations // *Soviet Anthropology & Archeology*. 1990, Vol. 29, № 2, p. 70-71.

¹⁸ См. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990, с. 258-312.

¹⁹ См. *Токарев С.А.* Этнография народов СССР. М., 1958, с. 243.

²⁰ См., например: *Народы России. Энциклопедия.* М., 1994, с. 161-162.

характера тех, кто остается и кто вынужденно покидает родину из-за экономических тягот 1990-х годов или по другим причинам. По одному мнению (его можно назвать патриотическим, или национально-ориентированным), покидающая родину часть нации считается ее лучшей или по крайней мере наиболее активной частью, которая, тем не менее, обречена быть в конечном счете потерянной для Армении и армянства. Таким образом, диаспора, в частности ее новая, экономически обустроенная часть, считается, согласно этому мнению, потенциально ненадежной для сохранения национальной идентичности, т. е. воспринимается как нечто близкое к благоразумной тенденции, приводящей к национальному «забвению». То же самое мнение классифицирует ту часть армян, которая остается на родине, невзирая на невыносимые условия, как истинных патриотов своей нации, т.е. воспринимает их как близких к мамиконяновской тенденции. Тут будет уместно напомнить девиз, восхваляющий смерть за веру (или за независимость, или за нацию) и сопровождающий бунтарское направление со времен Аварайрской битвы до программ современных националистических партий.

Тем не менее «борющаяся» за национальную память часть армян, остающаяся на родине (Востоке), ждет помощи от «готовой к забвению» части, уехавшей на Запад. Кстати, в постсоветской Армении многие умудряются выжить именно благодаря скромной, почти невидимой, но относительно стабильной финансовой подпитке со стороны недавно уехавших – традиционные диаспоральные группы предпочитают участвовать в благотворительных программах, дающих более зримые результаты (строительство кафедрального собора в Ереване, стратегической шоссейной дороги и т.п.). Вообще говоря, современное представление бедной родины о богатой диаспоре как о своей спасительнице является новым выражением старой армянской идеи о том, что в критической ситуации спасение должно прийти с Запада. В V в., во время антиперсидского восстания, таковым было ожидание помощи со стороны Византии. С конца XI в., во времена сельджукских завоеваний и крестовых походов, надежды на спасение с Запада основывались на серии видений и пророчеств, которые восходили к знаменитому видению католикоса Армении IV в. Нерсеса Великого, заложившего основы традиции упования на Запад.²¹ В XVIII в. армяне Карабаха, опасаясь нашествия кочевников, надеялись на содействие России

²¹ См. *Ованнисян А.* Очерки по истории армянской освободительной мысли. Т.1. Ер., 1957, с. 16-17 (на арм. яз.).

(для армяно-российских отношений ось Восток – Запад нередко заменялась осью Юг – Север). В начале XX в. западные армяне ждали помощи со стороны европейских стран, а в конце века, во время Карабахского конфликта, мысли о спасении вновь обратились к России. Диаспора, расположенная на Западе и олицетворяющая западные ценности, стала последней в этом списке потенциальных спасителей. И хотя указанная стратегия ни разу не оказалась действительно спасительной для Армении (наоборот, она, как правило, была для нее губительной), страна, тем не менее, продолжает питать мечты о спасении с Запада, что сегодня выражается, в частности, в приглашении «мудрых» министров из диаспоры для управления родиной.

Мы начали с противопоставления Европы и Азии, которое предполагает, как уже было сказано, более древнее и общее противопоставление – Запада и Востока. До сих пор мы говорили об этом противопоставлении в связи с Арменией, однако оно, понятно, гораздо более общего порядка и выражает в целом ориентацию человека в окружающем мире, причем далеко не только географическую. Более того, характер и границы деления мира по принципу Восток – Запад обусловлены самим человеком, его активным и агрессивным освоением мира. При этом если граница между Европой и Азией может немного передвигаться в ту или иную сторону в воображении географов, политиков и обитателей приграничных территорий, то граница между Западом и Востоком гораздо более гибкая и подвижная. Но, что удивительно, передвижения этой границы вроде бы не обходятся без участия армян.

Так, в результате сельджукских завоеваний эта граница передвинулась к западу, к тому краю Евразийского материка, где крестоносцы пытались противостоять движущимся с востока завоевателям. И вдруг именно на этой новой границе между Востоком и Западом и примерно в тот период, когда граница проходит в этом месте (XII-XIV вв.), прежде чем передвинуться еще дальше к западу, к теперешней границе между Азией и Европой, появляется Армянское царство Киликия, причем за пределами этнической территории армян.

Для отношений между Россией и странами Востока направление запад – восток соответствовало направлению север – юг в тех случаях, когда дорога на

Восток вела через Кавказский хребет, естественную границу между Севером (Западом) и Югом (Востоком). И именно на этой границе мы находим черкесогаев (черкесских армян), появившихся здесь в средние века и вплоть до начала XX в. игравших роль торговых посредников между «северным» Западом и «южным» Востоком.²²

Другой пример – драматический конец города Джуги в Армении, который в XVI в. был узловым торговым центром между тогдашними Востоком и Западом. Когда персидский царь Шах Аббас решил переместить границу между Востоком и Западом в свою страну, он просто разрушил Джугу и переселил его население в Персию в начале XVII в., основав близ Исфахана Новую Джугу, которая вскоре стала новым звеном-посредником между Востоком и Западом. Примерно через два столетия, когда эта граница двинулась дальше на восток – в сторону Индии, на этот раз в результате активной деятельности сперва голландской, а затем британской Ост-Индской Компаний, британцы обнаружили здесь армянских купцов, уже создавших успешно действовавшую торговую сеть именно на этой новой границе. Армяне, которые являлись купцами из Новой Джуги, помогли Компании в ее начальных шагах на индийском рынке и сыграли роль буфера между западными и восточными купцами. За важную посредническую роль армянам были даже дарованы в 1688 г. привилегии британских граждан в Индии, которых, впрочем, их вскоре лишили – после того как в начале 1760-х годов часть армян поддержала бенгальского наваба Мир Касима (Касим Али-хан) в его антибританском восстании.²³

Число таких примеров легко можно умножить. Каждый из них имеет, конечно, свою особую историю, а сами истории варьируют от насильственных переселений до рискованных торговых экспедиций, что вряд ли способствует объединению их в рамки одной общей модели. Однако, какими бы разными ни были эти перемещения, их результат был одним и тем же: куда бы ни передвинулась подвижная граница между Востоком и Западом, Армения или армяне каким-то таинствен-

²² Об истории и этнокультурном облике черкесогаев см. *Аракелян Г.* Черкесогаи // Кавказ и Византия, № 4, с. 28-129. Ср. сходную посредническую роль армян Украины и Польши – см. *Григорян В.П.* История армянских колоний Украины и Польши (армяне в Подолии). Ер., 1980, с. 49, 61.

²³ См. *Абрамян Р.А.* Армянские источники XVIII в. об Индии. Ер., с. 70. О восстании Мир Касима и его легендарном главнокомандующем Гергин-хане, армянине по происхождению, см. *Seth M.J.* Armenians in India. New Delhi, Bombay, Calcutta, 1983, p. 383-418; *Абрамян Р.А.* Указ. соч., с. 50-71.

ным образом оказываются именно там, как бы поджидая перемещения границы, чтобы стать посредниками между по-новому распределенными Востоком и Западом. Обычно это случается против их воли: армяне как бы обречены стать посредниками, но иногда такой выбор принимает форму политической стратегии, как, например, в случае современной двусмысленной посреднической позиции Армении между Ираном (Югом /Востоком) и Россией (Севером/Западом) – к недовольствию Запада, особенно Соединенных Штатов.

Многие примеры более мелкого масштаба, в которых армяне играют роль посредников в местных делениях по признаку восток – запад, например, между британцами и турками на Кипре, показывают, что мы в самом деле имеем дело с универсальной моделью армянского образа жизни. Последний пример свидетельствует также, что эта модель не всегда является успешной моделью выживания. На Кипре армяне, бежавшие из Турции во время геноцида, сперва поселились в части острова, где жили местные турки (вот почему армяне играли роль посредников между британцами и турками), но после греческо-турецкого конфликта были вынуждены переселиться в греческую часть острова.²⁴ Кроме приведенной частной мини-модели, общая модель также показывает, что привилегия «быть между двумя» имеет свою цену и что у медали есть две стороны: удел «быть между двумя» принес множество бед Армении и армянам, поскольку Запад и Восток не только сотрудничают, но и воюют между собой, а те, кто находится между ними, становятся непосредственными жертвами таких войн.

Это постоянное «стремление» занимать положение между Востоком и Западом в той или иной мере относится также к процессам образования армянской диаспоры, причем в эти процессы вносят свой вклад обе стороны медали под названием «быть между двумя». Так, раздел Армении между Персией и Византией в 387 г. привел к появлению первых армянских диаспор, отпочковавшихся от западных, «византийских», армян дальше к западу. На основании подобных групп впоследствии образовалось Киликийское царство на границе Востока и Запада, которое в итоге пало в результате противостояния тех же Востока и Запада. Сегод-

²⁴ *Pattie S.P. Faith in History. Armenians Rebuilding Community. Washington and London, 1997, p. 50-51, 108, 119-122.*

ня, когда караваны больше не проходят через Армению, армяне ищут новые модели, которые подошли бы к старой привычке быть посредником, «жить между», чтобы выжить в современном мире самолетов, летающих над некогда оживленными перекрестками западных и восточных дорог – особенно когда граница между Востоком и Западом вроде бы готовится к новому передвижению. Мистическая логика, которую мы попытались наметить в настоящей статье, дает нам ключ, лакмусовую бумажку, которая может помочь предсказать, куда на этот раз передвинется капризная граница между Востоком и Западом. Надо только поискать, где на карте мира имеется сегодня большое скопление армян. В настоящее время таким местом является Калифорния.²⁵ Все увеличивающееся количество людей азиатского происхождения, выбирающих Калифорнию местом постоянного или временного проживания, дает визуальное «подтверждение» подобному возможному передвижению в скором будущем. Тот факт, что начиная с 1980-х годов США стали совершать больше торговых операций через Тихий океан, чем через Атлантический,²⁶ также говорит в пользу нашего предсказания.²⁷ Можно думать уже о следующей границе, учитывая другое место, где имеется другое большое скопление армян, – Россию.²⁸ Именно туда отправляются армяне, особенно сельские мигранты, в последние, экономически трудные, годы. Учитывая, что в России армяне рассеяны по многим регионам, а не сгруппированы преимущественно в одном месте, как в США, можно сделать предположение о более размытом характере новой границы между Востоком и Западом. Указанием на необычную форму границы – не линия, а обширная территория, чуть ли не целая страна – может служить активно возрожда-

²⁵ Точных данных о числе армян в США, т.е. людей, считающих себя армянами, не имеется. Называются разные цифры, как правило, завышенные. По-видимому, более реалистичной можно считать количество в 1.5 млн. человек. Из них примерно 80% приходится на Калифорнию.

²⁶ *Hague P., Harrop M., Breslin Sh. Comparative Government and Politics. An Introduction. London, 1992, p. 116.*

²⁷ А.Кухианидзе использует эту тихоокеанскую ориентацию для прогнозов относительно нового деления мира по принципу Восток – Запад, но видит в качестве новой границы Кавказ, который, по его мнению, может стать посредником между будущими Европейским и Тихоокеанским центрами – см. *Кухианидзе А. Кавказоцентристская концепция демократии // Научная мысль Кавказа, № 4, 1995, с. 67-68.*

²⁸ По переписи 2002 г. в России проживало 1130 тыс. армян. Разумеется, здесь не учтен массив неофициально проживающих. По разным оценкам, не поддающимся строгой проверке, общее число армян в России составляет от 1.5 до 2 млн. человек.

ющийся евразийский дискурс, от философских осмыслений до новоимперских чаяний.

Так что непростые, но в целом комплементарные взаимоотношения Армении и армянской диаспоры могут потребовать в будущем новых стратегий взаимоотношения между двумя, восточным и западным, частями армянского народа, чтобы быть готовыми к намечающемуся очередному перемещению границы между Востоком и Западом.